

ПРОЛОГ

ШИПОВНИК У ГОРЫ НИНГ¹

Апрель

Префектура Ши Хо, город Ёмхаги

Больше всего на свете Хван боялся своего прадеда.

Никакие, даже самые ужасные демоны из самых глубин ада не могли сравниться с тем ощущением безысходности и ненависти, которые Хван испытывал к мастеру О Юмá — своему живучему прадеду.

Эти чувства у Хвана были бы единственными, царствующими в его сознании, если бы он не начал сбегать от родной династии. Сперва на какое-то время, а в итоге — навсегда. Из-за прадеда.

Потому пришлось идти его другу — Юншэну, в одно из высотных зданий, в котором совсем недавно резко заморозили этап внутренней отделки. Рабочих вывели, и именно сюда был приглашен Юншен на встречу для совершения обмена.

Брелок автосигнализации дважды пропищал и завибрировал в его руке.

Нужного автомобиля рядом не было.

Снова брелок пропищал дважды. Юншен было предположил, что это ключ от черного седана прямо у входа в здание, будто состоящее исключительно из стекла и стали, но ошибся. Безрезультатное хождение по огромной парковке уже начинало выводить из себя. Он посмотрел на тонкий брелок с тремя кнопками — никаких опознавательных знаков. Юншену захотелось раздавить его в ладони — настолько надоел этот двойной писк уже который раз подряд. Парень выдохнул, бегло осмотрел огромную парковку, заставленную автомобилями.

¹ Чайлáйская поговорка (Нифлёмские острова), обозначающая человека малого величия, но упорного и целеустремленного. «Да он как шиповник у горы Нинг» — так говорят о людях, которые не боятся очевидно трудных препятствий. — Здесь и далее примеч. авторов.

— Хван, идиотина, почему не запомнил тачку?! Хожу тут как придурок! — Юншен сжал брелок в ладони и уже замахнулся, чтоб разбить его об асфальт, но пальцы так и не разжал. — Черт бы тебя побрал! — Он выдохнул и нервно взъерошил черные короткие, стоящие торчком волосы, расхаживая туда-сюда. — Вернусь и долбану по башке его тупорылой!

Не так давно здесь прошел сильный ливень, Юншен не застал его по дороге, чему был рад, ведь ехал он на мотоцикле. На черном асфальте не осталось луж, лишь рассыпанные светящиеся лепестки цветущих нифлемских деревьев. Свет от фонарных столбов и из панорамных окон, утопающих нижними этажами в густой тропической зелени, тусклыми бликами отражался на одинаковых черных седанах и внедорожниках. Все они, как один, не подходили для ключа, что вручил Хван, сказав, что в багажнике одной из машин будет лежать плата за найденный артефакт его семьи.

Юншен отряхнул белые кроссовки от налипших лепестков и пошел в другой сектор парковки. Брелок снова дважды пропищал. Парень сжал его в ладони и постучал кулаком по лбу, мысленно успокаивая себя и отговаривая от гневных высказываний в адрес Хвана.

Дело-то важное.

«Обосраться какое важное!»

Наверное, поэтому Юншена злила любая мелочь. Он вышел не на прогулку, человек, который его ждет, — influential и опасный тип.

На улице было влажно. Широкая цветастая рубашка с нарисованными дольками арбуза на желтоватом фоне липла к телу, но колыхалась даже от слабого ветерка. Три верхние пуговицы были расстегнуты, обнажая крепкую грудь, местами покрытую рисунками хону¹. Эти рисунки — истинное

¹ Рисунки хону — это цветные рисунки на теле в виде этнических изображений, соотносящихся с духами-покровителями манлио. Они могут быть связаны с природными явлениями, животными, лесом, водой и т. д.

доказательство того, что он манлио¹. Больше всего он гордился тем, что они вспыхивали ярко-голубым светом, когда он призывал хону. Тогда его тело становилось изворотливым, быстрым, сильным. Этот свет губительно действовал на демонов.

У Юншена хону было в виде облаков и грозowych туч, что клубились на руках и по всему телу. Местами на коже распускались бутоны шиповника, окруженные колючими стеблями, а лепестки, словно срываеые ветром, летели меж туч. И три павлиньих пера на шее слева, прямо под ухом, все они были разных размеров и форм. Юншену потребовалось много усилий, чтобы эти перья выступили на его коже. Он обучился одной технике нифлемских мастеров.

В этом радиусе тоже не оказалось нужной машины, что подтвердил двойной писк брелока.

— Это все больше и больше смахивает на шоу про битву магов². Если я не справлюсь за час, сумка сама выпрыгнет из багажника?! — негодовал он.

Слова Юншена не казались бы столь ироничными, не находиь он в такой ситуации. Он здесь, чтобы освободить себя и Хвана от заразы — от демона, который несколько лет назад проник в его душу и стал управлять им. Однажды Юншен нанес непоправимый вред своему другу, начав череду ужасных последствий. Он винил себя и только себя, однако не понимал, кому понадобилось вселять в него демона и как

¹ Манлио — воины, защищающие мирных людей от демонов. Манлио обладают сущностью (хону), которая помогает им развивать хорошую скорость в сражениях, быстро залечивать раны, видеть во тьме и переносить любые яды. Многие люди боятся их, некоторые боготворят. Манлио — это профессия, с помощью которой они получают деньги и льготы за очищение мира от демонов. Существуют специальные учреждения, где детей с геном манлио обучают мастерству и провляють хону.

² Маги, ведьмы, полукровки и нианзу запрещены во всех странах планеты Рёншу. Шоу, о котором говорит Юншен, запрещено, его нет в открытом доступе, только на нелегальных сайтах.

вообще ему это удалось. Но Хвана зацепило. Он был в той же лодке, но хотя бы держал весло, в то время как под Юншеном была пробоина.

Это весло — великая династия Масүми — династия мастеров.

Но возвращаться Хван к ним и не думал. Да, жизнь в бегах утомляла, но если усталость, вечное подозрение всего и вся, смена обшарпанных квартир на еще более обшарпанные комнаты и лачуги в горах — цена его свободы, то можно было и потерпеть.

Но все это скоро могло измениться. Один большой побег — долгая спокойная жизнь.

Хван сказал, осталось два этапа его плана: первый — отдать сумку с «платой» для мастера О Юма. Второй — забрать ценные вещи, в его случае это была плотная тетрадь с нарисованным акварелью кактусом в шапочке и письмо убитого им демона, в котором говорилось что-то о красных обезьянах и об избавлении от демона. Забрать вторую сумку должен был Хван.

Такого весла у Юншена не было. Ему, напротив, добавляло пробоин его происхождение. Юншеном он был на заданиях для манлиу, а так его звали Сэмюэль Юншен Аттвуд. Уроженец шадерской правящей династии манлиу. Во главе с его отцом Рэймондом Аттвудом, который, к радости Сэма, сидел в тюрьме вот уже десять лет. Будь отец дома, не разрешил бы общаться с Хваном, забрал бы его с тренировок у отца Хвана в Нифлеме¹, запретив даже контактировать с его семьей. Да, в целом атмосфера в поместье Аттвудов была легче без него, пусть Сэм и бывал там довольно редко, почти постоянно проживая в Нифлеме с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать лет.

Сунуться к Ватанабэ Хван побоялся, решил, что забрет вторую сумку с икорной фермы в Чайлае и позже свяжется с Юншеном.

К старшему сыну Сан Бому Ватанабэ пошел Юншен.

¹ НИФЛЕМСКИЕ ОСТРОВА, расположенные на юго-востоке планеты Реншу.

«Они меня повяжут, как блудную шлюху, и отвезут прадеду. Тот их наградит. Давай ты туда, а?» — вот что сказал Хван в свое оправдание. А ведь он был мастер, а Юншен нет.

Обойдя почти все сектора, Юншен уже подумывал вернуться к своему припаркованному мотоциклу и искать тачку там. Но, нажав на кнопку, вдруг услышал один писк. Вдали заморгали фары.

Подбежав к машине, Юншен возвел руки к звездному небу и восторженно выдал:

— Да, сука!

Крупные капли на черном седане отражали свет фонарей и светящихся деревьев, что росли в выделенных зонах на парковке. Сэм нажал на кнопку, и крышка багажника послушно подпрыгнула перед ним. Парень тут же раскрыл ее и проверил содержимое: среди смятых купюр в тысячу ючи¹ лежал тканевый сверток. Юншен развернул его, но прежде несколько раз осмотрелся. Это был кинжал с исписанным лезвием — новая разработка Хвана: он утверждал, что кинжал еще не закончен, но ему так сильно был нужен найденный семейный артефакт, что он отдал его династии Ватанабэ без раздумий со словами «сами доделают, я не закрывал энергию». В идеале он должен был оставлять на теле манлио долго заживающие ранения, а пока ничем не отличался от другого холодного оружия.

Сложив все обратно, Юншен вынул из багажника черную спортивную сумку и повесил лямку на плечо. Кинув ключ в багажник, он захлопнул его. Что будет с этой машиной — ему не интересно. Юншен оглянулся. Вокруг здания было много густой растительности и мало построек. Пышно цвели красивые сливы, разбавляя зеленое море бело-розовыми благоухающими островками. За живой стеной шумела магистраль, а в ветвях деревьев и кустов пели птицы и звенели цикады.

Уже подойдя к раздвижным стеклянным дверям, Юншен отметил, что внутри здания не было людей, как и снаружи. Машин много, а людей никого, мало где виднелся вклю-

¹ Ючи — единая денежная валюта по всему миру.

ченный свет. Войдя в просторный холл, он ощутил прохладу от работающего кондиционера и тишину. Мебели и декора здесь не было — пустая безжизненная коробка с чистовой отделкой. Местами на плиточном полу были разводы от шпательки. Прямо на полу возле стены, где по идее должна быть расположена зона консьержа, стояла корзина подношения¹. Духи существовали в Нифлеме, особая их форма, которую можно часто увидеть даже на улицах города, — хатанату² — этакие прожорливые, порой агрессивные существа.

Эта корзина подношения выглядела лежалой: листья баньяна и папоротника высохли и частично осыпались, синие шапки гортензии тоже начали осыпаться на пол, а ле-

¹ Жители всех префектур Нифлема делали подношения духам, чтобы их отблагодарить, задобрить или получить разрешение. Обязательное наполнение корзины: ветви баньяна, листья папоротника, фрукты, цветы и конверты с просьбой (также могут класть статуэтки духов). Такие корзины ежедневно по утрам ставили в официальных организациях, на рынках, стройках и т. д., чтобы задобрить духов по любым случаям. Утром корзину относили в храм, лам-ханы отдавали ее на съедение хатанату, и только после покупки/сборки новой корзины можно было начинать работать.

² Хатанату — низшие духи, принимающие дары людей для природных духов. Внешне они напоминают каменные пни ростом от двадцати сантиметров до двух метров, поросшие травой, веточками и мхом. Такие хатанату обычно находятся у храмов. Но также существуют не задобренные подношениями хатанату (могут иметь разную форму в зависимости от ареала обитания). Они не переносят людей и находятся в основном в отдаленных от поселений местах. Не желая контактировать с человеком, они создавали ямы, чтобы их невозможно было найти ни с помощью технологий, ни духовной энергии, ни магии. Исключением являлись только слуги красных обезьян, они могли вычислить хатанату с помощью слив. Ямы существовали только вокруг скоплений хатанату и постоянно сдвигались, поскольку эти низшие духи периодически мигрируют. Такие хатанату крайне агрессивны к людям с едой. Если человек не дарил им еду, они могли съесть самого человека, если замечали у него продукты.

пестки розовых пионов опустились. Черные сливы зажухли, а оранжевые мандарины подгнили по бокам. Белые конверты засыпали листья и лепестки. Эту корзину оставили здесь и даже не отнесли в храм. Юншена это озадачило. Нифлемцы — ответственный народ, который живет в согласии с духами. Здесь явно что-то произошло, раз заморозили отделку и вывели рабочих.

С подношениями так нельзя — это может плохо кончиться для владельца.

Заприметив лифтовую зону, Юншен быстрым шагом направился к ней. Хван сказал, что Сан Бом Ватанабэ будет ждать на пятидесятом этаже в две тысячи семнадцатой квартире. Из трех лифтов работал только один. Сэм не успел нажать на кнопку, как заметил на дисплее, что лифт поднимался с минус второго этажа.

Все-таки кто-то здесь расхаживает, к тому же у тех машин на парковке должны быть владельцы. Кругом горит свет, работают кондиционеры, но не видно ни души. Юншен нажал на кнопку и заправил полы шелковой рубашки спереди за пояс свободных рваных джинсов белого цвета. Черный кожаный ремень поддерживал их, а за выпущенной рубашкой сзади виднелся заряженный пистолет. Дополнительная обойма в белом носке, скрытая под джинсами, один складной нож в заднем кармане, там же пачка сигарет с зажигалкой, в другом — телефон. Ключ от мотоцикла он прицепил за шлевку на поясе джинсов, отчего брелок позвякивал в такт шагам. Тем не менее Юншен думал, что этого мало. Он бы хотел взять с собой блочный лук, который ему подарил Хван, но он шел якобы на мирную встречу.

Послышались шаркающие шаги, Юншен крепче сжал пальцы на ремне сумки и повернул голову в сторону человека, что встал рядом с ним.

— Наверх? — спросил он у Юншена на шихонском языке, показывая пальцем в высокий потолок.

«Сопровождающий? Ватанабэ прислал?» — размышлял Юншен, прекрасно зная, что это не Сан Бом, ведь Хван показывал накануне фотографию с ним. То был крепкий мужчина с тонкими усами на верхней губе и крошечной точкой под

нижней. У этого же человека были очень узкие глаза и коротко стриженные волосы, он был намного моложе Сан Бома.

Чуть откинувшись назад, Сэм осмотрелся и вновь взглянул на два других лифта, перекрытых лентами.

— Ага, — выдал он на шихонском, глядя на парня. Юншен полагал, что тот скажет, что он от Сан Бома, и сейчас проводит его к нему.

Двери лифта медленно разъехались. Послышались глухие удары о прочный металл. И когда Юншену открылся обзор, он увидел внутри кабины юношу.

Джеён.

Хотя правильнее было бы: Джеён Чжудо Масуми — двоюродный брат Хвана, которого тот говорил сторониться всеми силами, потому как убеждал, что Джеён — идеальное творение своего (и Хвана) ненормального прадеда. Он был истинным Масуми — убийцей. Его с младенчества обучали избавлять общество от сильнейших, но нечестивых предводителей, воров и предателей, и, как говорил Хван, в руках Джеёна первой оказалась катана, а уже потом палочки для еды.

Юншену показалось, что время замерло. Джеён бросил мяч в стену лифта, и в голове вихрем пронеслось прошлое: блеск на солнце черной катаны, разрезающей летящие на Джеёна тренировочные шары, его осуждающий взгляд, нифлемские улицы, шихонская традиционная ученическая форма, сладкие креветки и океан, растворяющий кровь в пене накатывающих волн.

— Э! Масуми!!! — Юншена выдернул из воспоминаний ор «сопровождающего».

Тот резко вытащил из-за спины пистолет и наставил на Джеёна.

Но следующая секунда все решила — одним плавным, но молниеносным движением Джеён вытащил ту самую катану из ножен и легко полоснул «сопровождающего» по горлу. Капли горячей крови брызнули Юншену на шею. Он даже не вздрогнул, лишь прикрыл глаза, чтобы не попало.

Голова слетела с плеч и рухнула на пол прямо на порог лифта, помешав дверям закрыться. Они дрогнули и тут же

раздвинулись. Тело парня упало возле Юншена. Оно билось в конвульсиях, из ровного среза на шее толчками на пол выливалась бордовая кровь. Юншен поднял одну ногу, спасая белый кроссовок от подползающей лужи.

Заходить в лифт совсем не хотелось.

На отрезанной голове хаотично открывались и закрывались глаза, неестественно дергались мышцы, рот то ли что-то безмолвно говорил, то ли пытался вдохнуть.

Юншен глянул на Джеёна.

Тот так же молча смотрел на него. В уголке его пухлых губ торчала белая пластиковая палочка от леденца.

Джеён предан своей семье. И раз он здесь, то знал, *что* находится в этом здании на пятидесятом этаже в две тысячи семнадцатой квартире. Все, кто тянет руки к немногочисленным артефактам их семьи, оказываются обезглавлены, прямо как этот бедолага-сопровождающий. Юншен как раз тянул руки к их артефактам.

Сан Бом Ватанабэ нашел древнейшие кисти, созданные Масуми для нанесения иероглифов специальными чернилами, которые тоже были украдены. Эти иероглифы могли спасти от гибели, залечив демонические болезни.

То, что нужно Юншену и Хвану.

Он вошел в кабину, толкнув голову ногой внутрь.

Джеён опустил взгляд и вернул катану с черным лезвием в такие же черные ножны, разрисованные плещущимися синими волнами с белыми барашками. Юншен впервые видел этот меч из рассказов Хвана вживую. Катана и ножны, что висели у Джеёна сейчас на поясе, были великим наследием династии Масуми.

Пока Юншен неотрывно следил за мечом, Джеён продолжал как ни в чем не бывало кидать мяч в противоположную стену.

Сэм протянул руку к панели, чтобы выбрать этаж, и увидел, что кнопка «50» уже светилась. Все правильно.

Стальные двери мягко закрылись, и лифт тронулся вверх.

У Юншена есть пятьдесят этажей. Затем либо он будет без головы, либо каким-то чудом Чжудо вспомнит, что Хван

его брат, что в случае этого человека и этой семьи в целом — пустой звук, когда кто-то предаёт династию. Со своими они расправлялись ещё быстрее, чем с чужими. Хван мало говорил о своей семье, но про день, когда их прадед зашел на кухню и зарезал своего внука, прямо когда тот ел хлопья, он говорил с особым трепетом и страхом.

Еще большим чудом будет, если Юншен прострелит Чжудо голову быстрее, чем увидит перед собой лезвие.

Джеён перекатил леденец во рту, и палочка оказалась в другом уголке губ. Парень все еще ничего не говорил.

Юншен не знал, как начать разговор. Все, что у них было общего, — месяц скупых редких встреч четыре года назад во время учебы Юншена у Масуми, Хван и Нифлем.

И то Нифлем — лишь наполовину, потому как отец Юншена — шадерец. Но хоть Сэм и был на одну вторую нифлемцем, выглядел он все равно в этой стране как свой, вобрав все нифлемские, а если точнее, чайлайские черты и во внешности, и в характере.

Джеён был шихонцем каждой клеточкой своего тела и души. Именно тем редким видом потомков древнейших династий, с непрошибаемой веками аурой недостижимости, целеустремленности и чувством превосходства. Но еще он сочетал в себе некую расслабленность, граничащую с пофигизмом и тихой опасностью.

Юншен рассматривал Джеёна не только с целью увидеть изменения во внешности, но и пытаясь уличить угрозу в каждом жесте и каждой детали. Юншен знал, у этого мастера все всегда не просто так. Напрягали мяч, который он бросал в стену, леденец, простая одежда: синие свободные спортивные с лампасами, с заправленной в них белой плотной безразмерной футболкой. Широкие рукава доставали до локтей, и Юншен мог разглядеть только часть хону на руках Джеёна. Правое предплечье словно окольцовывали зеленые бамбуковые узлы ствола с листиками, точно его рука была стеблем бамбука. На левой — морские волны с белыми гребнями, похожие на рисунок на ножнах от его катаны.

Часть черных шелковистых волос Джеёна была собрана в небрежную гульку на затылке и перевязана белой тонкой